

A portrait of a man in a dark suit and blue tie, looking out of a window with a brick wall. The lighting is dramatic, with strong shadows and highlights from the window.

ИВАН

МИРОНОВ

СВОБОДА СТРОГОГО РЕЖИМА
ЗАПИСКИ АДВОКАТА

Иван Борисович Миронов

Свобода строгого режима.

Записки адвоката

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43639493

Свобода строгого режима Записки адвоката:

ISBN 978-5-9909785-1-5

Аннотация

«От тюрьмы да от сумы не зарекайся» – гласит хорошо всем знакомая русская поговорка. Её справедливость на собственной судьбе проверили многие герои этой книги, и, прежде всего, сам автор.

Новая работа известного адвоката, историка, писателя Ивана Миронова несмотря на свою провокационность автобиографична и лирична. Но, в то же время, это жесткий и бескомпромиссный анализ нынешнего положения России и возможных вариантов ее ближайшего будущего.

В книге нет столь любимого обывателем убаюкивающего «все будет хорошо». Иван Миронов предлагает читателю горькую истину реальной жизни страны, от которой хочется отвернуться, но мера авторского таланта такова, что сил отвернуться нет – и приходится дочитать книгу до конца и испытать всю правду до дна.

Содержание

От автора	4
Небо обреченных	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иван Миронов

Свобода строгого режима

Записки адвоката

От автора

Лето... Жара бьет рекорды. Одиннадцатый час, уже стемнело. Термометр застыл на тридцати. Ни ветра, ни дождя. Мечтаем о грозе и урагане – спасении от трупного пекла. Дождь – пусть даже потопом, ветер – пусть даже смерч. Ярость стихий ждем с восторженной надеждой.

Все равны в этом раскаленном лете. Какая разница, к чему липнут твои руки – к кожаной оплетке руля или металлическому поручню вагона. Какая разница, что ты пьешь: пластмассовый квас или клубничный мохито, если пошло тут же начинает сочиться соленым потом. Мы стали завидовать неграм и молиться на бурю. Нулевые умерли вместе с эйфорией сытости, вялостью, стабильностью и страхом перемен.

Эта книга – осколки зеркала, в которое мы смотрели последние десять лет. Пока еще понятны слезы, приличен смех и не одернут крик.

Это последняя литературная слабость, за которой наступит время прокламаций. Последний романс, после которого

загремят марши. Это панегирик нулевым и растерзанному в них поколению.

Любовь еще не заштампована цензурой. Лирику бунта еще не заглушила чеканная поэзия революции. Страх перед политическими репрессиями еще не затмил государственный террор. Кураж борьбы еще не выкристаллизовался в волю войны.

Мы еще боимся того, что предстоит благословлять.

Мы любим тех, кого проклянем, и верим тем, кого низвергнем.

Мы задыхаемся воздухом, которым не сможем надышаться.

Это взгляд назад с чувственной ностальгией, но без сожаления, с презрением, но без гордыни, с иронией, но без цинизма.

Это книга о нас – таких, какими мы уже больше не будем, и о стране, которой больше нет.

Небо обреченных

Кто смотрит под ноги, тот не увидит неба.

Остались только письма. Немало. Кто может похвастаться, что от разбитой любви осталась целая пачка нежно написанных конвертов с мрачно-размазанным штампом «Проверено. Цензор №...». Письма – тленный памятник разломанным судьбам, памятник доброму слезному слову, впоследствии преданному и забытому. Странички убористой страстной прозы, пережившие угасшую страсть, потушенную забвением, тюремными сквозняками, вольной суетой, и отравившим сердце равнодушием.

Мы познакомились на одной студенческой свадьбе. Свадьбы всегда отвращали меня своим сходством с похоронами: куча малознакомых людей, действие ритуально, слова банальны, пошлы и неискренни, натуральна только пьянка и слезы родителей.

Честно говоря, и жениха, и невесту я видел впервые. Занес меня туда следующий случай. Мой давний товарищ с раннего студенчества – банкир с сомнительной профессиональной репутацией, предложил ради взаимной развлекухи съездить на празднование бракосочетания одноклассников своей невесты, с отцом которой он связывал собственные финансовые перспективы. Из гостей Паша никого не знал, по-

этому во мне он корыстно узрел проверенного собутыльника. Скука перевесила все сомнения, и мы двинулись на свадьбу.

Невеста – москвичка, жених – норильский, оба студенты Государственного университета управления. Мероприятие проводилось под девизом «мы тоже москвичи» и «жизнь удалась», именно поэтому местом торжества был избран пансионат на Рублево-Успенском шоссе. Правда, где-то на самой обочине этого шоссе, да и забор, угрюмо встречавший гостей, больше смахивал на ограждение лечебно-трудового профилактория, чем пансионата. Как говорится, главное, чтобы было «богато» и на Рублевке, а там уж экономим, на чем хотим.

Просторный холл здания встретил нас неизменным со сталинских времен совдеповским ампиром. Прямо напротив двери на железной палке болталась табличка-указатель «Свадьба». Торжество уже перевалило свой экватор, поэтому тосты звучали реже, но развязнее, лица выглядели уже расслабленными, но пока еще не растерявшими остатки человеческого.

Гости делились на три категории: родственники молодоженов, преподаватели и друзья. Тесть и свекр, несмотря на разницу в прописке, выглядели уже сложившимися родственниками. Пухло-красные, с круглогодичной испариной на лбах, с незначительными остатками причесок, аккуратно прикрывающими проплешины. Заплывшие свинячьи глаз-

ки, лень в движении и мысли относили мужчин к чиновничье-милицейской буржуазии. Чтобы отирать пот и слюни норильский использовал салфетку, а москвич уже обзавелся платочком с фирменной клеткой «Бербари».

Друзья кучковались двумя кодами, косо поглядывая друг на друга. Норильские пацаны – тамошняя «золотая» молодежь – были похожа на московских гопников. А модные столичные студенты – на норильских педерастов. Молодые дамы, невзирая на юный возраст, в большинстве своем уже успели обзавестись злым уставшим взглядом старых сук. Хорошо сложенных было мало. Одних обезличивала кокаиновая худоба, других неумное кишкоблудство и гламурное пьянство – наследственная страсть высокопоставленных пап. Стайки кобылиц в блеске вечерних нарядов, блях-брендов сумочек и серебристого перламутра «Верту», периодически вспархивали на перекур, поскольку сие действие в банкетном зале запрещала пожелтевшая табличка в мощной металлической раме.

В этой человеческой лепоте интересно смотрелся педагогический состав – облезлая профессура в не по годам щегольских костюмах и кардиганах, приглашенная в аванс будущих красных дипломов и аспирантур брачующихся.

Новоиспеченные супруги вышли парой складной и гармоничной. Жениху был двадцать один год, веса в нем было твердо под сто двадцать, а свежендетое золотое колечко уже успело затянуться салом безымянного пальца. Судя по ком-

плекции, у парня настолько все было сладко, что избыток сахара присутствовал даже в крови. Ведомый по жизни неиссякаемым лопатником родителя и железным административным ресурсом, мальчик сиял покойной добротой, прямой и простецкой. Жена, годом младше супруга, милая толстушка, любовно поглядывала на мужа и застенчиво на публику.

Как только мы вошли в зал, к нам навстречу выбежала Оля, Пашина девушка.

– А подарок не купил? – Оля бросила робкий укор в сторону любимого, принимая скромный букет для молодоженов.

– А чего им подаришь? – Паша бесцеремонно оглядел виновников торжества. – Белье таких размеров не продают. Посуду? Так корыта в дефиците. Парфюм? Так из них самих можно мыло варить. Триста баксов сунь в конверт, хотя нет, – банкир брезгливо оглядел праздник, – хватит ста.

– Деньги от нас я уже подарила, – Оля стыдливо опустила глаза.

– Не спи в оглоблях, – Паша одернул девушку. – Сажай нас куда-нибудь, а то время ср..., а мы не жрали.

Оля поспешила проводить новоприбывших гостей за стол, где меню уже вовсю осваивали пара угреватых студентов, мальчик с прозрачными глазами и профессорская чета, чрезмерно довольная соседством с молодежью. Стол не обещал гастрономических восторгов. Потравленные гостями деликатесы уже обветрились и потеряли товарный вид. В жеванной фольге с бумажными хвостиками кисла какая-то

мясная запеканка, а оливье, подернутый майонезной коркой, отпугивал едко-желтым раскрасом. Вкушать предлагалось «Советское шампанское», водку «Старая Москва» и коньяк «Кенигсберг», последнюю непочатую бутылку которого профессор предусмотрительно прикрыл своей супругой от дерзких взглядов тинэйджеров, подъедавших беленькую.

– Добрый вечер, – Паша кивнул головой, радушно заулыбавшимся собутыльникам.

– Что-то вы припозднились, – причмокнул профессор. – Ой, молодежь, вечно спешит. А кто спешит, тот никуда не успевает. Придется по штрафной.

– А что есть-то? – Паша брезгливо окинул стол.

– Водочка, – профессор схватился за «Старую Москву», с еврейской щедростью нацедив нам по рюмке. – Меня зовут Михаил Семенович, читаю у Александра мировую экономику, – со старта обозначился профессор.

– А кто у нас Александр? – хмыкнул Паша, скосив взгляд на бронзовые всплески бокала Михал Семеныча.

– Вы, наверное, со стороны невесты. Александр – это жених.

– Ну, да. С той самой стороны.

– Не хочу водку, – я отставил стопарь в сторону. – Не то настроение...

– А у нас коньяк есть! – Паша бесцеремонно изъясил «Кенигсберг» из эшелонированной обороны профессорши.

– По сто пятьдесят от силы и что дальше?! Тогда давай уж

«бурого мишку».

Паша, не задумываясь, кивнул, и в широкие бокалы были разлиты остатки «Кенигсберга», разбавленные вдогонку шампанским.

Первый тост в честь самих себя сделал нас родными на этом празднике брака. Взгляд разрядился влажной радостью, черты лиц собеседников обрели естественную нежность, так что даже профессор, неудачно скрысивший коньяк, уже не вызывал прежнего раздражения.

После второго залпа бронзово-игристого, глаз, припудренный хмелем, принялся обшаривать соседние столики в поисках человеческой красоты.

Через столик от нас сидела вместе с подругой миловидная девушка, дежурной улыбкой скрывая напряжение от мало-знакомого коллектива. Черные смолянистые волосы острыми прядями едва доставали до плеч, обнажая легкие очертания шеи. На вид ей было не больше двадцати. Девушка резко выбивалась из своры ровесниц, гудевших на свадьбе. Взгляд светился свежим счастьем, не замыленным суетой, не опошленным тусовкой. В манерах и движениях, казалось, не было ничего наносного и показушного. А еще взгляд, невесомый, смеющийся, с небрежной хитрецой. Взгляд, в который захотелось закутаться, наслаждаясь обжигающей сердце теплотой. Она улыбалась всем и никому, глаза скользили по лицам гостей и молодоженов, не задерживаясь ни на ком, даже не спотыкаясь о нежные взоры поддатых юношей.

Заныло внутри, – что-то сладкое, приятное, муторное. Муторное выбором, который поставлен тебе резко, неожиданно и безапелляционно. Вот, только что ты сидел,пил, развлекаясь потешностью зрелища и персонажей, в нем участвующих. А тут – держи! Или делаешь всё, чтобы девочка была с тобой, или жалеешь, что не подошел, пока ее не забудешь. А таких быстро не забывают. Было в ней что-то родное, близкое, свое... Пока я прикидывал варианты подхода, Пашу распыляла профессорская чета.

– Я вам скажу, молодой человек, – гнусавил подвыпивший препод. – Я вот профессор...

– Я сам кандидат экономических наук, – хлестко перебил Паша собеседника.

– Вот как! – поморщился профессор. – Всегда приятно встретить коллегу. Простите, а где вы защищались?

– В Финансовой академии, – нехотя прожевал Паша, не любивший распространяться о нюансах получения ученой степени.

– Чудесно! – дядя всплеснул руками. – Это у Елены Сергеевны. А кто в совет входил?

– А я помню? – буркнул Паша, про себя отметив недоверчивый взгляд Михал Семеныча.

– Ну, знаете ли! – профессор злобно сверкнул диоптриями. – А кто у вас оппоненты были?

– Что докопался, как пьяный до радио? – терпение Паши лопнуло. – Одолею со своими вопросами. Мы сюда отдыхать

пришли, а не тебя слушать.

– Молодой человек! Что вы себе позволяете?! – взвизгнула профессорша за потерявшего дар речи супруга.

Ответное рычание захлебнулось в заглушившей зал музыке. Молодожены принялись топтаться в танце, за ними потянулись гости.

Ее звали Наташей. Студентка престижной Академии народного хозяйства. Танцевала она неумело, но уверенно. Уверенность была во всем: слове, манере, движении, характере. Градус возбуждал красноречие, вопросы сыпались сами собой, невольно заставляя Наташу то улыбаться, то хмуриться. И навстречу мне летели тонкие колкости женского любопытства.

За стол мы вернулись приятными знакомыми, к нам тут же присоединилась Пашина Оля, учившаяся с Наташей в одной группе.

Ольга была девочкой доброй и терпеливой, именно в силу последнего обстоятельства она оставалась с Пашей. Природа обнесла Ольгу женственностью и красотой, подарив ей желеобразную статью, мужикастую походку и шерстяные руки. Дикорастущие зубы девушка старалась прятать, постоянно натягивая на них губы-черви, которые от натяжения тут же начинали лопаться трещинами. Понятия о чистоплотности у Ольги отсутствовали напрочь. Из ее головы колтунами торчали убитые перекисью жирные локоны. Дорогое платье

источало не первую свежесть, с трудом задавленную «Шанелем». Густые брови воссоединялись перепончатой колючей перемычкой над длинным острым носом. Паша ласково называл любимую «животным», посвящая знакомых и мало знакомых в скабрёзные подробности их сожителства. Однако истинную подоплеку отношений знали далеко не многие. Уже на втором курсе МГИМО Паша начал трудиться в семейном подряде своего старшего брата, державшего крупный банк, специализировавшийся на серых и черных схемах по обналу и выводу средств. Через пару лет студент уже возглавлял черкизовский филиал, целыми днями просиживая в бункере: офис был оборудован автономным электропитанием и железобетонной броней, должной в случае штурма 40 минут держать оборону от ОБЭПа, пока не будет уничтожена криминальная документация. И пока брат снимал миллиарды, Паша сидел затворником на окладе в пять тысяч долларов, затачивая зуб зависти на родственника.

С Ольгой он познакомился на дне рождения двоюродной сестры. Компенсировав конфетно-букетный период початой поллитрой, через пару часов знакомства молодой банкир опошлил кожаный диван своего «круизера» трехминутным скотоблудством. Прибалдев от человеческих контрастов, Паша зарекся когда-нибудь звонить и видеть свою новую пассию. Зарока хватило ровно до завтра. Начались отношения. Оля приезжала по звонку за оскорблениями и близостью, которые Паша изошренно совмещал. Ольга привык-

ла и даже обращение «животное» из милых уст звучало как-то тепло и трогательно. Однажды после очередной случки Оля промолвилась о своем папе, который с её слов выходил очень большим другом членов правительства, крупным владельцем столичной недвижимости, несметных гектаров в Карелии, пары угольных разрезов в Кузбассе и кимберлитовой трубки в Южно-Африканской республике. Суммируя гипотетическое приданное, Паша припотел уже на карельских гектарах и тут же предложил Ольге руку и сердце. Не раздумывая, она согласилась. Знакомство с рапан и тапан состоялось спустя неделю. Выжрав с будущим тестем ноль семь «Луи Тринадцатого», которым проставлялся Паша, мужчины быстро нашлись, очаровав друг друга взаимными любезностями. В завершение вечера Григорий Львович настоятельно порекомендовал Паше бросить «скверный бизнес», предложив взамен место замначальника финансовой разведки ОБЭПа в ранге подполковника. Жених, сопоставив свои знания о теневом обороте наличности и злобу на брата, быстренько накидал в голову бизнес-план будущих подвигов на передовой сражений за экономическую безопасность родины. По нехитрым подсчетам, за два первых месяца на новой работе под покровительством тестя Паша должен был коррумпироваться на один миллион семьсот восемьдесят тысяч долларов. Отец расчеты одобрил, но присовокупил к барышам еще пятьсот сорок тысяч. При этом Григорий Львович заметил, что со свадьбой не стоит затягивать. В

понедельник Паша ушел с работы, прихватив копию черной бухгалтерии, послал брата и сделал Ольге предложение.

Это случилось за две недели до описываемой свадьбы. Паша пребывал в радушном предвкушении новой работы и собственного бракосочетания.

Зима в том году выдалась дряблой. Ртутная головка градусника обрывалась на подступах к минус семи. Асфальт сжирал снег. Влажный смог, редко тревожимый заблудшими ветрами, шершавым языком царапал кожу. Зато мороз не убивал розы, которые я нес на наше первое свидание. Маленький кабак, врезанный в бетонку и неоновый блеск Большой Дмитровки чугунной решеткой полуподвала, был словно создан для подобного события. Ток сердечной непредсказуемости слегка потряхивал организм переизбытком волнения. В душе звенели струны счастья, которые чем громче звучат, тем чаще рвутся. Это немного пугало, добавляя к сладкой эйфории пикантную горечь сомнений.

Подойдя к тутовым ступенькам, сбегавшим к прозрачной двери заведения, я набрал ее номер. Немного смущенный, но уверенный в своем очаровании голос просил ждать. Вскоре новенькая «Вольво» на трех девятках без церемоний заехала на тротуар, подперев бампером решетку ресторана. Дверь расколола черный профиль машины и на асфальт выскользнула стройная ножка, затянута в высокий замшевый сапог.

Спустились вниз. Столик, заказанный загодя, стоял на от-

шибе назойливой ресторанной сутолоки. Пока официант суетился с размещением розовой клумбы, я украдкой рассматривал Наташу, которая напряженно делала вид, что этого не замечает. Взгляд, опошленный цинизмом конезаводчика и логикой штангенциркуля, без восторгов изучал прелести женской фигуры, постоянно спотыкаясь об изъяны. Широкая талия не соответствовала узким плечам; закутанные в юбку бедра требовали скромности в объемах в отличие от груди, закамouflированной элегантным джемпером. Подиум и «Мосфильм» по ней явно не скучали, но какое-то неведомое электричество, струившееся из серо-голубых глаз, нежной теплотой разбегалось по жилам.... Я знал ее слишком мало, о ней почти ничего. Но вопросы и сомнения терялись в единственном ощущении сердечного родства, того самого, которое можно искать всю жизнь, истязаясь душевной сиротливостью.

Разговор шел легко. Наташа не тяготилась моментом: непринужденно подхватывала брошенные мною темы, с искренним любопытством интересуясь, кто я и чем живу. Простодушно болтала о себе, подругах, заграницах и понимании любви в свои неполные двадцать два. Редко спорила, чаще соглашалась, что обнаруживало в ней если не избыток ума, то разумности. Единственное, о чем Наташа говорила нехотя, – это о роде деятельности отца – крупного государственного управленца. Корни семейного древа Курченко терялись на Западе Украины, где до сих пор жили бабушки и тетушки,

избалованные регулярными визитами столичной родни. Но родилась и закончила школу Наташа в Норильске, где папа – потомственный шахтер, по комсомольской путевке выбившийся в красные директора, командовал в Норникеле. У Наташи был еще обожаемый ею брат, старше меня на два года.

И все же она волновалась, что выдавало частое курево с глубокими затяжками и ломкой окурков в пепельнице. Сигарета в ее руках выбивалась из искренности портрета. Курила она показушно, неестественно, словно отдавая дань уродливой моде сверстниц, желающих во всем друг другу соответствовать. Но привычка уже не отпускала, баловство стало пристрастием, курево – непременно ритуалом. Под сигаретную пачку был приспособлен диоровский футлярчик, а пламя высекалось из изящной серебряной безделушки. Курящая женщина у некурящего мужчины вызывает или раздражение, или снисхождение. Но я об этом не думал, увлекаясь игрой случая, который свел нас на той дурацкой свадьбе.

С этого момента Наташа наполнила мою жизнь, словно волшебное вино звонкий хрусталь. Оно благоухало «Кашарелем», играло итальянской оперой, из-за которой девушка полюбила пробки.

Вместе со снегом зима подвалила работы. Выборы в Архангельске, затем в Астрахани. Но оторвавшегося уже на день от Москвы, меня начинало жрать одиночество, задавить которое не могли ни кабак, ни щедрость взаимности тамошних красавиц. В итоге, с неделю промучившись соблазнами

профессиональных барышей, я за долю малую отдавал Иван Миронов. СВОБОДА СТРОГОГО РЕЖИМА коммерческую инициативу партнерам и возвращался домой. Она всегда встречала в аэропорту, поэтому цветы приходилось покупать в пункте отправления.

Февраль закончился сюрпризом. Он сидел напротив меня в «Шоколаднице», с раздражающим остервенением высасывая остатки молочного коктейля. Из-под черной куртки, местами потертой и царапанной, торчали края пиджака невзрачной цветастости, а белый ломаный воротник рубашки отливал шейной сальностью.

Его звали Вовой, и хотя возраст терялся возле сорока, отчества его никто никогда не слышал. О своем звании и точном наименовании лубянского филиала, где Вова обналичивал присягу Родине, он не распространялся. Но по части добычи информации среди наших сексотных кадров Вован был вне конкуренции. Оперативно и почти дешево, не брезгуя чаевыми. Я познакомился с ним в Красноярске в 2002-м, где мы выбирали в губернаторы Глазьева.

Наша встреча состоялась по его инициативе. Вова позвонил «криво», через сестру назначив место-время свидания.

– Короче, Иван, прошла информация, что тебя вписывают в какую-то крутую многоходовую провокацию, – Вова отодвинул стакан, заерзав по сторонам глазами.

– В роли кого?

– Уголовника... живого или мертвого.

– Володь, не кошмарь. Давай конкретику, – во рту пересохло, я отхлебнул остывший чай.

– Пока ничего конкретного. Утечка из службы безопасности Чубайса о том, что готовится политическо-криминальный замес. Ты в разработке. Подтягивать будут к какой-то группе. Брать будут на твоей машине.

– Что значит брать? – рука потянулась к сигарете.

– За совершение особо тяжких.

– Да каких преступлений? Вова, окстись!

– Ваня, успокойся, – зашипел гэбист. – Я и так многим чем рискую, с тобой разговаривая. Принять могут на чем угодно. Думаю, скорее всего, на наркоте. Килуху герыча в багажник уронят и всё!

– Кому я понадобился?

– Ты, лично, никому. Нужен твой батя. Чубайс крайне мстителен, ничего не прощает и не забывает. Но к Сергеичу им не подобраться, а ты как на ладони. Ваня, пойми, я тебе не угрожаю, даже красок не сгущаю. Но ситуация реально патовая.

– Ну, и что делать?

– Я даже не знаю, сколько у тебя есть времени, и есть ли оно. Но, во-первых, ты должен быть готов к тому, что придется посидеть. Не ведись ни на какие милицейские разводки, не подписывай...

– В тюрьму я не сяду, – перебил я собеседника.

– Никто тебя туда не отправляет, – замешкался Владимир. – Я иду по самому худшему варианту.

– Давай по нормальному, без тоски и жути. Как мне всего этого избежать?

– Как избежать, – тяжело вздохнул Вова, собираясь с мыслями. – Ну, для начала поставь на прикол машину, лучше закатай в сервис. Пусть пылится на глазах. И свали отдохнуть подальше недели на три, лучше за границу. Еще телефон поменяй: номер и трубку. Зачисти квартиру...

– А карманы зашить не надо?! – выпалил я, не в силах слушать, как перекраивается моя жизнь. – За бугор не поеду, паспорта нет. К тому же выборы в Украине на носу, подряд там большой намечается. Заодно у хохлов и отсижусь.

– Боюсь, не успеешь ты к этим выборам. Ладно, – Володя поднялся из-за стола. – Я тебя предупредил. Дальше думай сам. Меня не ищи, не звони. Будет информация, сам объявлюсь.

Он протянул вялую руку, чиркнул взглядом по моим глазам и растворился в витринном стекле «Шоколадницы». Я попросил еще эспрессо. Нервы сбивали мысль, которая пыталась вырваться из перспектив, Вовой обрисованных, натываясь на непреодолимую стену логики и осведомленности так спешно покинувшего меня собеседника. Следовало принимать меры. Машина, благо, записана не на меня, а на Катю, поэтому можно спокойно докататься до пятницы и поставить ее на выходные, чтобы следующую неделю в ней ко-

вырылись. Как только будет готова, ставлю в гараж и улетаю дней на десять в Екатеринбург к ребятам, где у нас кампания в заксобрание. Красиво, спасибо Вове.

Пульс сбавил ритм, выход вроде был найден. Меня не смутила даже странная уверенность, что десять дней про запас судьба уж всяко подарила. Но на следующий день по дороге в институт, где решалась судьба моей кандидатской, стрелка на температурном датчике дернулась на красный предел, движок, захлебываясь в болезненном урчании стал терять обороты, а из-под капота вырвались клубы дыма. Еле дотянув до мастерской, где мне были объявлены гибель движка, нескромный ценник за работу и недельное ожидание запчастей.

«Сам себя сглазил!» – досадовал я, на своих двух выбираюсь из промзоны Замоскворечья.

– Надо бы на следующей неделе в Екатеринбург слетать, – между прочим закинул я Наташе, через два часа сидевшей напротив меня в очередной кофейне.

– Надолго? – насупилась девушка.

– Может на недельку, может дней на десять. Как пойдет, – я старался не пересекаться с ней взглядом, что было тут же отмечено и неправильно истолковано.

– Давай, лети. Можешь хоть завтра!

– Чего ты дуешься? Работа у меня такая. И так два проекта слил, чтобы с тобой быть рядом.

– А ты не думал сменить работу?

– Нет. Пока тебя не встретил. Но не все сразу. Сейчас тему по Уралу закрою, посмотрим, что в Украине нарисуеться, и на этом точка.

– Неделя – это много! А пораньше?

– Наташенька, очень постараюсь, – я заглянул ей в глаза, надрывно тренируя лицемерие.

«Началось. Включи новости», – смс пришла в четверг ближе к полудню.

Я оторвался от компьютера и включил телевизор. На четвертой кнопке мелькали кадры леса, дороги, ковыряющихся в обочине ментов и штатских. При этом звук пояснял о неудачном покушении на главу РАО ЕЭС Анатолия Чубайса близ поселка Жаворонки и об аресте по горячим следам предполагаемого нападавшего – пенсионного полковника ГРУ Владимира Квачкова, схваченного по горячим следам у себя дома.

Квачкова я знал, даже бывал у него на даче, которая находилась неподалеку от Жаворонок, поэтому было о чем призадуматься. Но причем здесь я, причем здесь Вова со своими страшилками? Полковника, конечно, жалко, но привязать меня к этому блудняку при моем роде деятельности, алиби и прочими тэдэ нереально... или все-таки возможно?

Я выглянул в окно. Тихий двор пятиэтажек не разрывал ни лай сирен, ни топот берцев. Никто не насиловал звонок и не ломал дверь.

«Может, все-таки от меня отказались», – скользнула от-
радная идея. Посмотрел на молчащий телефон, который так
и не поменял, сунул в карман и вышел из дома.

Звонок, расставивший все по местам, поймал меня ближе
к вечеру.

– Привет, Иван, – журчащий почти детский голос Кати
Пажетных отдавал напряженным холодком с легким, как мне
показалось, налетом иронии. – К нам с утра милиционеры
приходили. Про твою машину спрашивали, говорили, что
она в покушении на Чубайса была задействована. Они поче-
му-то решили, что ты живешь вместе с нами и организовали
в подъезде вооруженную засаду. Сейчас к нам приехал спец-
наз, в масках, с автоматами, пытаются попасть в квартиру, у
них ордер на обыск.

– Катя, это все бред. Моя машина не могла нигде участ-
вовать, она в разобранном состоянии стоит со вторника на
сервисе. Так что шли их....

– Всё! Пока. Они заходят, – твердо отчеканила Катя и по-
весила трубку.

Я не чувствовал под собой земли, и без того дряхлая на-
дежда выйти сухим из воды сдохла. Устраивать маски-шоу
по такому беспределу можно только тогда, когда поставлена
задача взять человека во что бы то ни стало. Предъявить Ка-
те было нечего: машина продана по доверенности, купчая и
все документы у нее на руках. Да и последний раз мы с ней
виделись четыре месяца назад.

Через полчаса я перезвонил. Пока шли гудки, пришло смс с незнакомого номера: «Это Маша сестра Кати. Ее арестовывают, забрали у нее телефон. Выкинь свой».

Я сделал последний звонок со своего номера. Она ответила моментально.

– Вань, ну, ты куда пропал? – прозвучало ласково с интуитивной тревогой в голосе. – Почему не отвечаешь?

– Наташенька, – мне показалось, что я наслаждаюсь каждой ноткой в ее голосе. – Ничего не говори. Послушай меня.

– Что-то случилось? – она дрогнула.

– Да. Я очень тебя люблю, – остановился, подбирая слова. Она не перебивала, ожидая продолжения. – Меня крепко подставили. Мы, наверное... нам... – Я осекся, испугавшись продолжения. – Если я тебе не перезвоню в течение недели, забудь меня...

– Что ты сказал?! – от сладости речей не осталось и следа. – Ты хотя бы мог встретиться со мной и сказать в лицо, что уходишь?!

– Послушай меня, – слабо протестовал я.

– А чего тебя слушать? Три с половиной месяца для тебя предел отношений. Хорошо. Пока, удачи! – она резала душу холодной обидой.

– Наташа, миленькая, родная, дослушай меня! Очень тебя прошу! Люблю тебя и только поэтому сейчас звоню. Очень

возможно, что в ближайшее время меня объявят террористом, убьют или посадят. Но, что бы тебе обо мне ни говорили, никому не верь! Поняла меня?

– Поняла, – голос ее срывался в слезы. – Позвони... Я рядом всегда буду, Ваня.

– Не уверен. Постараюсь. Обязательно позвоню, – тараторил я в полубреду. – Целую тебя крепко. Береги себя!

– И ты... Целую. – В последний момент ее дрожащая речь, казалось, подернулась торжественной радостью женского эгоизма.

Я отключил телефон. Снял батарейку, засунул запчасти обратно в карман, чтобы при случае выкинуть.

Если вас ищет милиция, ФСБ и прокуратура, то в России самое безопасное место – это Москва. Где еще так, как в столице, можно раствориться в многомиллионной пестрой и разноликой людской массе? Но самое тяжелое – это отказаться от повседневных привычек, пристрастий, слабостей, которые в одночасье становятся коварными мышеловками в руках доблестных органов. Нет ничего более, чем на время забыть о родных и дорогих тебе людях, гнусно превращенных системой в беспомощную наживку. Стоит только расслабиться, дать волю чувствам, и тебя уже подсекают. Страшно видеть угрозу в тех, кто тебя любит.

Неопределенность – мерзкая штука. Когда ты не знаешь, чего и где ждать, нервы вытягиваются в струну. Для меня этот моральный угар продолжался дней десять. Я был ни в

ком и ни в чем не уверен, не знал куда податься и что делать. Мысли хаотично крутились в голове, и это броуновское движение перебивал только сон. А вот спалось сладко. Башка и нервы за день нагревались так, что лишь тело касалось кровати, тут же срубало. Часов в одиннадцать подъем – все по новой, новости, слухи и никакой конкретики. А иногда случались ничем не объяснимые приступы счастья.

До Смоленска пробились за три часа. Перед городом тормознули обедать в уютной хибаре со звучным мясным названием. Официантка – бледная, словно почетный донор, девочка с некрасивыми пальцами в облупившемся розовом маникюре, теребила край серого передника, запоминая наш нехитрый заказ: два борща, две палки шашлыка и мне двести водки: размягчить нервы.

Товарищ, подписавшийся вывезти меня на Украину через Белоруссию, не отличался словоохотливостью и, дабы соответствовать моменту, изображал напряженную задумчивость. В собеседнике я не нуждался, гадая про судьбу на спиртовых парах. Не заглядывай в будущее, когда тебя там нет, но не оплакивай себя, пока еще дышишь. Топи разум в забвенье, трави прогнозы уксусом воспоминаний, отдайся фатализму и поклонись неизбежности.

Нагрудный карман куртки оттягивали двадцать тысяч долларов, паспорт и удостоверение помощника депутата – весь багаж, который успел захватить из прошлой жизни.

– Ехать пора, – Вадим поднялся, суетливо расплатившись.

Девочка под желтой биркой «Юлия» с плохо скрываемым счастьем подобрала по счету деньги, живенько скалькулировав щедрые чаевые.

– Удачи вам! – вырвалось у нее неожиданно для себя самой.

Я очнулся. Растворившись в адреналиновом безвременье, я впервые почувствовал под ногами землю. То ли наивная искренность девочки, то ли искренняя ее благодарность за две мятые купюры вернули меня к жизни, разбудили волю, подарили надежду. Вадим меня услышал. Глаза товарища, стелившиеся бельмами строгой обреченности, вдруг дернулись в ее сторону, изобразив восторженное удивление и сердечное спасибо.

«Удачи вам!» и Вадим, тяготившийся ролью катафальщика, разом воспрял, причастившись единой опасностью, единым риском.

Мы сели в машину. Голова заработала, мозги включились. События вновь стали обретать смысл и логику. Риск, от которого я только что бежал, постепенно обретал манящую привлекательность. Душа, задавленная страхом, встрепенулась, задышала и потребовала к себе внимания. Животный инстинкт самосохранения, уносивший меня от российских ментов, догорал на вспыхнувшей человеческими страстями жажде любить и бороться. Я вдруг понял, что не готов расплатиться этой жадой за 90 килограммов костей и мяса,

пусть даже и собственных.

– Не парься, Вань, – аккуратно обмолвился Вадим. – Отдохнешь заодно. Погуляешь по тамошнему буфету. Хохлухи опять-таки... Не Москва тебе. Эх, если бы не жена и работа, сам бы занырнул с тобой на месячишко. Я тебя по праздникам навещать буду. На майские и приеду, ты как раз освоишься, связи наладишь...

– Останови, – я небрежно махнул рукой в сторону проплывающего леса.

– Ты кому звонить собрался? – напряженно протянул Вадим, наблюдая, как я достаю накануне купленный телефон с незарегистрированной симкой.

Я же молча, словно боясь поддаться на уговоры товарища, набрал любимые цифры: 8-916-590...

Ответила сразу, ждала услышать.

– Привет! Что делаешь сегодня вечером?... Тогда в десять... Там, где все начиналось.

– Ты чего творишь? – Вадим инстинктивно даванул на газ, протащив машину по весенней слякоти.

– Разворачиваемся, – еле проговорил я.

– Куда разворачиваемся?! – запаниковал товарищ.

– Домой. Остаюсь.

– Посадят же. Лет на двадцать. Запытают ведь. Это же заказ. Им все по херу: закрыть, убить, искалечить...

– Замолчи, без тебя тошно. Поворачивай. Дома и умирать уютно. Не ментам наше время мерить, – к удивлению Вадима

я закурил, неудачно. – Как вы курите это дерьмо? Куда ты едешь? Разворачивайся. Решили.

– Может, передумаешь? – он скинул скорость.

– Уже передумал. Ты-то что причитаешь? Домой к жене не по кайфу? И вдвоем всяко веселее возвращаться. И в центр меня добросишь...

Она не опоздала. Приехала раньше. Пятачок перед рестораном был забит машинами. Место для подобной встречи было выбрано крайне неудачно. Хотя я и осознавал, что грамотную наружку обнаружить дилетанту практически невозможно, все же досадовал на себя за глупую непредусмотрительность. Я стоял в пяти метрах от знакомых габаритов, не решаясь подойти. Если они пробили близкий круг, то она железно под «колпаком», а значит, от тюрьмы меня отделяет несколько шагов. А если нет? Если обложили только моих родителей, а ее не просчитали, или не успели просчитать. «Не успели», – это звучало более убедительно. Просчитать – просчитают, достаточно поднять распечатки смс, где мы словно перед алтарем, и станет ясно, по какой орбите я кручусь. Ведь по любому пробили! Да и возвращаться плохая примета. Зря! Всё зря! Я резко подошел к машине. Зачем-то огляделся по сторонам, исподтишка, воровато, как будто плохо репетировал дурацкую роль. Взялся за ручку правой двери. Кровью резануло виски, пальцы налились свинцом до онемения. Захотелось перекреститься, так ис-

кренне и истоиво, что явно ощутил треск во лбу от мысленного троеперстия. Дернул ручку, затвор замка эхом пронзил нервы. Затылок съежился от предвкушения окрика или удара. Оглянуться бы, но не смог от бессилия и бессмыслия. Быстро распахнул дверь, словно уверовав, что за ней спасение.

– Привет, – выдавил с наигранным спокойствием. – Поехали куда-нибудь.

– Куда? – как ни в чем не бывало, брякнула Наташа, облагородив лицо обидчивой улыбкой.

– Все равно, главное – поехали. Туда, где никого нет, – мозжечок включился хронометром, отщелкивая секунды к спасению.

Она включила поворотник и выскочила на дорогу. Я обернулся. Явных преследователей не оказалась, а на задней полочке лежала коробка с «Чивасом».

– Откуда флакон?

– Папа забыл, – бросила девушка, всматриваясь в зеркало.

– Очень вовремя.

– Поехали ко мне.

Я не возражал. Теперь это было не важно. Я открыл эту дверь, и от меня уже ничего не зависело.

Через четверть часа, обшарив фарами утрамбованный машинами двор на улице Дмитрия Ульянова, Наташа втиснулась в свежепокинутую кем-то дырку. На полуспущенных я вылез из машины. Двор вдохновлял безлюдной тишиной.

Подошли к подъезду.

– Квартира на тебя записана? – не запомнил я уточнить.

– На брата. Я у родителей на Сивцеве прописана, – усмехнулась Наташа, приложив к домофону «таблетку».

Мы поднялись на одиннадцатый этаж. Невзрачная дерматиновая дверь открывала узкий коридор, кучно заставленный коробками и упаковками еще не собранной мебели.

– Кухню на следующей неделе придут устанавливать, – словно оправдываясь за постремонтный беспорядок, пояснила Наташа, и, махнув на огромный кроватный каркас, прислоненный к стене, добавила. – А матрас в пятницу подвезут.

– Диванчик-то есть какой-нибудь?

– Конечно, в гостиной! Если сможешь туда пробраться.

– Хоть есть на чем заночевать.

– Ты ночевать собрался? – Наташа усмехнулась. – Не получится. Я родителям обещала к часу домой приехать.

– Придется ночевать в одиночестве, – задумчиво констатировал я.

– Всё так плохо?

– Очень нехорошо, – я подхватил соскользнувшее с ее плеч пальто.

Прошел в спальню, где посередине стояло несколько стульев и стиральная машина. Порывшись по коробкам, Наташа нашла парочку новеньких вискарных стаканов и блюдце под виноград.

Я выпил залпом, она лишь пригубила. После второй стопки обрисовал ситуацию, не постеснявшись добавить, что из-за нее отказался покинуть страну. Она не заплакала, даже не прослезилась, сморщила переносицу и закурила.

– Надолго все это? – голос не дрогнул, но руки потряхивало.

– Не знаю. Наверное, – честно признался я.

– Ну и что делать... будешь?

– Свою квартиру сдам. Сниму где-нибудь с тобой поблизости.

– Живи у меня, – оживилась Наташа. – Дней через десять всё соберут и поставят.

– Подумаем. Время есть, давай пить.

Она отыскала тапки, скинула сапоги, позвонила домой и долго убеждала отца, что она за городом на дне рождения, уже слегка выпила и останется до завтра. Отец попротестовал и сдался.

Мы расстались в одиннадцать следующего дня. Я ушел первым. Целый день шатался по городу, отирая дешевые кафешки, кинотеатры, выставки, интернет-залы. Убивал время, пока телефон не ловил «смайлик», что означало «освобожусь через час, люблю, целую. Наташа». И так три дня кряду. Начал паранойю. Мне казалось, что я стал рабом телефона, чтобы раз в день видеть, как просыпается в нем желтое пятнышко. Осознавая, что обрыв всех контактов – это дурацкая, трусливая перестраховка, а Наташа – уверен-

ная гибель в расщелку, я ничего не мог с собой поделать.

Будучи девочкой домашней, она разрывалась между родителями и мною, выдумывая причины отлучек, одна неправдоподобней другой.

А еще я повидался с Мишей, старинным школьным другом. Позвонив с автомата, я условился встретиться с ним на автозаправке возле метро «Кунцевская». Он оказался, как всегда, пунктуален на безупречно отполированном «Мерседесе».

Я нырнул в элегантное нутро, поймав недовольный взгляд товарища на своих ботинках, с которых на замшевые коврики сочилась апрельская грязь.

Мой рассказ не пробудил в Мише товарищеского энтузиазма. Выслушав меня, он лишь кисло зевнул и протянул дряблую руку: «Ладно, ехать пора. К родителям обещался на ужин. Заправиться еще надо».

Мы зашли в магазинчик при заправке. Пока заливали бак, Миша набивал корзину жарчосмачным, акцентируясь на коньяке и сыре. С минералкой я подошел к кассе, приткнув бутылку к вываленной корзине.

– Нам отдельно посчитайте, – не моргнул глазом школьный дружок.

– Прислал бы я тебе твой полтинник, – грустно ухмыльнулся я, доставая деньги.

– Точно, чтоб не заморачиваться! – обрадовался Миша, принимая стольник. – Только у меня сдачи нет. Может, раз-

менять?

– Будешь должен, – скривился я.

– Не вопрос, – крикнул Миша, заслав сто в общий счет на три с половиной тысячи.

Через пять минут я прыгнул в метро. Тусоваться на родном районе мне представлялось малорассудительным.

– Вань! – оклик в полупустом вагоне показался мне знакомым, но оборачиваться на него радости не было. – Ваня! Миронов!

Я нехотя повернул голову, обнаружив среди сидячих Васю с героической фамилией Матросов.

«Прямо встреча одноклассников! Как же не кстати», – вздохнул я про себя.

Не узнать Васю было сложно, и хотя мы не виделись пару лет, он не изменился бы и за десять. Высокий, худой, но спортивный, Матросов всегда выглядел на восемнадцать, словно нарочно констатируя свое юношество ярким молодежным прикидом, которому он не изменил и в этот раз: бело-оранжевая куртка, расклешенная джинса, пестрые кеды сорок пятого размера и болтающаяся на ушах шапка в веселенькую полоску.

Не дожидаясь ответа, Вася подошел ко мне.

– Привет! – я протянул навстречу руку.

– Здорово! Давно не виделись. От родителей?

– Ага. И с Мишей пересеклись.

– Мишаня по-прежнему в грушёвом бизнесе?

– В смысле?

– Хреном груши околачивает.

– К чему напрягаться, если папа шелестит? Сам-то как? – штамповались машинально вопросы.

– Нормально. В сервис еду, машину с ТО забирать. Завтра опять в леса.

– В какие леса? – последняя фраза неожиданно поцеловала в ухо.

– Ну, к себе, в Вологду.

– Чего там забыл? – двери раскрылись на моей остановке, но я не спешил.

– Ты не знаешь? – недоуменно покосился Вася. – Давненько все-таки мы с тобой не общались.

– Не тяни, рассказывай. Выходить скоро.

– Я уже год как финансовый директор лесопромышленной компании, принадлежащей финикам. За местными колхозниками приглядываю. Служба ненапряжная. Машина, квартира, соцпакет. Засада, правда, там сидеть на постоянной, но за то бабло, которое финны откидывают, подпишусь и на полюсе пингвинов гонять.

– То-то, я смотрю, на метро ездешь...

– Ваня, после такой глубокой ж... жемчужины Севера, метро – это как аттракцион. Причем, заметь, почти бесплатный. Хотя городишко приятный и народец невредный. Масло, молоко, доярки... Все, как мы любим! Мужики, правда, по пояс деревянные.

– Пригласил бы как-нибудь, – аккуратно закинул я однокласснику, размышляя над кредитом доверия, который предстояло открыть.

– Не вопрос! Поехали.

– Поехали. Завтра? – улыбнулся я.

– Можно и завтра, – отмахнулся Вася. – Ты сейчас серьезно?

– Очень. У меня пауза в трудах и заботах возникла. Душа воздуха просит.

– Уезжаю завтра утром. К семи подтянешься в Крылатское?

– Подтянусь. Только, Вась, – я осекся. – У меня сейчас некоторые сложности. Долго объяснять. Ты пока о том, что я еду с тобой, никому не рассказывай.

– Не вопрос. Что случилось-то?

– Хочу найти себя, пока не нашли другие.

– Ладно, мне выходить. Ну, если соберешься, то до завтра, – пожав руку, Вася выскочил из вагона.

Вечером я сообщил Наташе, что еду в Волгоград к друзьям отдохнуть и отдышаться. Успев подустать за эти дни от моей нервной навязчивости, она не возражала. На утро доставила меня в условленное место. Вася не подвел, и через сорок минут мы уже сворачивали со МКАДа на Ярославку. И Вологда стала прибежищем, откуда я выбирался раз в неделю или в две, чтобы обнять родных и увидеть ее.

Из дневниковых записей, 22 апреля 2005 г.

Состояние глухого одиночества, пустоты и беспросветности. Что-то грызет изнутри. Что-то щемит, щемит тупой болью. Это не страх, страха нет, он прошел. Страх, как боль, к нему привыкаешь, смиряешься, и, кажется, что его просто нет. Плохие новости – как хорошие удары по телу – сначала дикая неожиданная боль, и сила ее прежде всего от неожиданности, потом привыкаешь, и уже ее не чувствуешь. Щемит от бездействия, от самой гнусной роли, которая может быть в этой жизни – роли молчаливого наблюдателя, роли скота, которого гонят на бойню, а он еще при этом пытается не мычать, чтобы не прикончили раньше намеченного. На редкость паскудное состояние. На диссертации сосредоточиться не получается. Да и какая там диссертация... Все-таки, нервы вещь хрупкая и непредсказуемая. Не знаешь, где выдержат, а где сорвутся. Морально уже готов к самому худшему, психологически нет. Каков может быть самый неприятный расклад? Во-первых, меня могут закрыть лет так на двадцать. Это значит, что в 44 года я буду свободен как ветер в поле. За это время и кандидатскую можно накропать, и к докторской приступить в перерывах в ударно-исправительном труде на зоне в какой-нибудь Мордовии. Во-вторых, могут убить. В лучшем случае быстро убить, в худшем долго и с выдумкой.

Последний вариант – самый неприятный из всех возможных раскладов. Сама же смерть – понятие философское, и

таков к ней должен быть подход. Умирают все. И в свои 80, и в 50, и 25, и в 15. Умереть не страшно, страшно жить как овца. Я, наверное, не так уж и грешен, чтобы бояться предстать перед Господом. И не так уж свят, чтобы сожалеть о невкушенных бранных радостях. Мучиться не хочется, а так «всегда готов!». Великий пост в этом году тяжельй. Знать бы, что Господь нам посылает – испытания или наказания, и будет ли прощение...

Из дневниковых записей, 8 мая 2005 г.

Проснулись в полдень. Вылезли из дома, поехали обедать. Звонок Наташкиного отца застал нас на Проспекте Вернадского: «Где ты? С кем ты?.. Приезжайте, поьем, познакомимся!». Наташа, сказала, что подумает и перезвонит. На ней не было лица: «Вань, я боюсь. Ты как думаешь?». В моем положении знакомство с ее родителями представлялось достаточно забавным. Одна лишь эта картина могла вызвать улыбку. Я, будучи в федеральном розыске, не очень бритый, не в очень свежей одежде, не в очень чистых кедах, знакомлюсь с мамой и папой своей потенциальной невесты. От такой развлекухи грех было отказываться. Сперва Наташка была категорична: «Я не хочу, я не готова. Ты не знаешь моего отца, а вдруг ты ему не понравишься». Но желание отца оказалось сильнее девичьих сомнений. Место для кофе было избрано с особым цинизмом – гостиница «Арарат Парк Хаят». Проезд был закрыт уже на подступах

к месту встречи. Столица готовилась к торжествам, гостиница к приему президентов. На пути к «Арарату» мы миновали два милицейских кордона, объясняя нарядным летехам, куда и зачем идем. Единственная мысль, которая не давала покоя, что если меня сейчас примут, то это будет просто смешно, ибо соваться с моей свежей популярностью в ментовских ориентировках в обложенный центр Москвы даже идиотизмом назвать нельзя. Дальше – больше. Холл гостиницы был забит ментами, фэсэошниками, чекистами и прочей разномастной служивой челядью – ждали греческого президента. Обступив нас полукругом, люди в погонах и в штатском, вежливо и не очень, объясняли невозможность попасть наверх в бар. Наташа позвонила, спустился отец. Он сходу всем объяснил, кто есть они, особо не вдаваясь в подробности, кто есть он. И, обняв дочь, направился к лифту, предложив мне следовать за ним. Попытка взять штурмом лифт была пресечена блюстителем. «Приехали», – мелькнуло у меня в голове. Была еще надежда заявить, что документы я забыл в машине. Однако никто ни о чем не спрашивал. А батька, рассказав им что-то невнятное о проблеме безработицы среди бывших сотрудников правоохранительных органов, гордо овладел лифтом.

Геннадий Федорович – президент крупного добывающего предприятия и по совместительству Наташин папа – оказался до банальности типичным управленцем высшего звена: холеноватый, жирноватый, нагловатый. Наемники, по

сути шестерки, пусть и ворочающие огромными бабками, ощущают себя полными хозяевами жизни, позволяя себе судить все и вся. Обычно с такими товарищами (в отсутствие дам) под хороший градус после часа официоза, как правило, переходишь на «ты», на разговор «за жисть» и «о бабах». Короче, общение предстояло быть если не интересным, то вполне забавным. Адреналин приятно играл в голове и мышцах – знакомство с родителями отошло на второй план. Волновал вопрос – выйду ли я отсюда?

Мы поднялись на последний этаж. Стеклоанный купол гостиницы открывал упоительную панораму вечерней майской Москвы – тихую, спокойную, но вместе с тем гордую и величественную.

Наташкина маман была классической боевой подругой своего мужа, съевшая с ним не один пуд соли. Волевая и с сильным характером, судя по всему, она была крепкой опорой для супруга.

Первые пятнадцать минут общения были неприятно натянутыми. Меня аккуратно щупали, изучали, высматривали. Наташа была как на иголках. Пили виски. После первого тоста глава семьи по-отечески обвинил меня в неуважении к старшим. Оказывается, опрокидывать стакан следует в порядке старшинства. Короче, разговор пошел.

– Чем сам-то занимаешься? – поднабравшись, спросил Геннадий Федорович.

– В аспирантуре учусь.

– Ну, это понятно. Все мы учимся. Мне вот тоже профессора недавно дали. А работаешь где?

– Помощником депутата, – не моргнув глазом, ответил я.

На этом папенька окончательно успокоился.

Пролетело два часа. Поднялись на выход. Когда одеваюсь, я отдал Наташе все телефоны и документы на случай ареста. Девчонка переживала больше меня. Вышли спокойно. Прошли два кордона. Сели в машину. Отвезли родителей. Прощаясь с ее отцом, я поймал его взгляд. В нем отразилась глубокая симпатия, но вместе с ней недоверие и, как мне показалось, сочувствие.

Вечером встретился с матушкой. Она молодец – держится. То, что на нее свалилось, сломало бы кого угодно. Она же, наоборот, никогда, как сейчас, не была такой спокойной, собранной и ответственной. Каких же усилий ей стоило отмотобилизовать нервы и силы, что нести этот крест. Мама передала ордер на предоставление адвокатской защиты.

Из дневниковых записей, 12 мая 2005 г.

И снова дорога: Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль – путь, который никак не может стать привычным. Каждый город – крепость, крепость русского воинства, духа, воли. Когда проезжаю по их тесным улочкам, в голове калейдоскопом проносятся даты, имена, названия

– все, что осталось из курса истории Древней Руси.

...По дороге между Москвой и Ярославлем есть очень прямой отрезок пути, идущий через большой холм, на котором возвышается храм, увенчанный огромными синими куполами. И верст пять ты поднимаешься прямо к этому храму – только вверх и только вперед. Создается впечатление необыкновенной глубины, красоты и величия. На этом подъеме мы уперлись в фуру. Слабо соображая, что делаю, я пошел на обгон. Лоб в лоб на меня шла белая «семерка», водитель которой даже не гудел и не мигал, он просто пытался успеть вспомнить лучшие моменты своей жизни. Крутанув руль, я еле успел выскочить на встречную обочину. Остановились, перекрестились, поехали дальше. Господь пока милует, значит, для чего-то мы еще сгодимся.

Из дневниковых записей, 6 июня 2005 г.

Мы созванивались с Наташей каждый день. Я отлично чувствовал ее настроение, даже если она очень хотела его скрыть. Первый раз я услышал такой тяжелый голос. Она отпиралась, ссылалась на головную боль, на усталость. Я поднажал, она все рассказала. Это должно было случиться – до ее отца, наконец, все дошло. Развернув в самолете свежий «Коммерсантъ», Геннадий Федорович обнаружил на полполосы портрет своего перспективного зятя. Пережив настоящий шок, он примчался к дочери и потребовал от нее немедленно разорвать со мной отношения – «по телефону –

прямо сейчас». «Меня никто не тронет, а ты пойдешь как соучастница», – заявил дочке любящий папа. Наташа ничего не смогла сказать отцу, кроме того, что сделает это только при личной встрече со мной.

Подобный расклад моей личной жизни легко просчитывался, и, как мне тогда казалось, я был к этому готов. И вот снова дорога в Москву, но не такая легкая и не такая желанная, как всегда. На душе скребут кошки, и хотя ничего не решено, но все уже понятно. Знакомая «Вольво» стояла на привычном месте, я открыл дверь – давно так не билось сердце. Мы ехали молча. Начинать разговор о расставании, не видевшись две недели, было бы верхом цинизма. Говорить о чем-то другом было бы верхом неискренности.

На столе пустая бутылка из-под портвейна с горящей свечой, рядом бутылка чуть побольше – полная. Я уже привык к этой кухне, к этому дому. Только здесь за эти два с половиной месяца я находил душевное спокойствие, маленькое, но бесценное счастье, которое вот-вот должно было рухнуть. Она рассказала все подробности разговора с отцом. Надо отдать должное, Наташа оказалась сильнее своего бати. Поначалу она держалась хорошо, ей было гораздо тяжелее, чем мне, но потом слезы взяли верх. Обманывать отца у нее бы не вышло, он быстро бы догадался и мог просто меня сдать, решив все проблемы одним звонком. Об этом хотелось думать меньше всего, ведь у нас еще остава-

лось в запасе две последние ночи и два последних дня.

Вечером на следующий день встретились с Мишей. Он должен был передать кое-какие мои вещи. Мы не виделись месяца три – он не меняется. Все тоже томное, скучающее лицо, на котором нарисована суицидальная усталость от жизни. Каждое его слово вымученно, каждое движение бесцветно, настроение отдает похоронной сыростью. Последние несколько лет Миша походит на дорогой гроб – мертвечина в золоте и бархате. Бррр... Даже мне, в бегах, только что потерявшему родную и любимую, стало его как-то жалко и по-дружески за него обидно.

Последняя наша ночь. Огарок свечи провалился в бутылку, ярко вспыхнул, осветив кухонный полумрак, и погас струйкой дыма. Я попросил Наташу принести телефон, по которому мне звонила. Достав симку, я сжег ее в пепельнице. Пока пламя медленно съедало карту, ее глаза наполнялись слезами горькой обиды. Она до конца не верила в то, что твердила мне уже неделю, в глубине души оставляя возможность все переиграть. Только сейчас она поняла, что возврата не будет. Что точка поставлена и поставлена мной. «Телефон я твой знаю, а карту можно восстановить», – с неуверенной надеждой в голосе сказала Наташа. «Ты этого не сделаешь», – ответил я. С осознанием разлуки к ней пришла истерика. Я никогда не видел ее такой. Она всегда держала себя в руках, не давала воли слабости.

Наутро она приготовила мне сырники. Мило и просто,

все по-домашнему, все по-семейному. Никогда бы не подумал, что об этом можно мечтать в двадцать четыре года. Она долго не хотела оставлять на память свою фотографию, мол, примета плохая – навсегда расстанемся. Но я настоял.

Пару часов спустя мы сидели в машине в Крылатском, ждали Васю, который должен был забрать меня в Вологду. Настроение было грустное, но приподнятое. Я сказал Наташе: «Прощаться надо так, как будто завтра увидимся». Наконец, из ворот выкатила корейская «табуретка», за рулем которой сиял от выходных отходняков Матросов. Я перекинул вещи. Скромно поцеловались. «Прощай до завтра», – сказал я. Она улыбнулась. Не оглядываясь, расселись по машинам. Как только отъехали, я достал фотографию. На обороте нетвердой рукой шла надпись: «Пусть в памяти у тебя останется не только эта фотка, но и самые яркие, добрые воспоминания о том времени, что мы были вместе. Спасибо тебе за все! Ты самый дорогой и любимый мой человек... Целую тебя крепко, крепко. P.S. береги себя 5.06.05».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.